

захаваць самабытныя выслоўі, якія адлюстроўваюць традыцыйную культуру беларусаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Барадулін, Р. І. Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна / Р. І. Барадулін [Ідэя кнігі, распрацоўка структуры і ўкладанне Н. Давыдзенка]. – Мінск : Кнігазбор, 2013. – 385 с.
2. Выслоўі [Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. артыкул і камент. М. Я. Грынבלата ; рэд. тома А. С. Фядосік]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с. (БНТ/ АН БССР, ІМЭФ).
3. Клундук С. Этыкетная сітуацыя «зычэнне» ў маўленчай культуры беларусаў / С. Клундук // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя філалагічных навук. – № 2(10). – Брэст, 2008. – С. 98 – 104.
4. Лапацін, Г. «Праклёнам праклясьць». Праклёны ва ўяўленнях і парэміях жыхароў пасёлка Амяльное на Веткаўшчыне / Г. Лапацін // Беларускі фальклор : матэрыялы і даследаванні / НАН Беларусі; рэдкал.: М. П. Антропаў, А. М. Боганева, Т. В. Валодзіна (гал. рэд.) і інш. – Мінск : Бел. навука, 2014. – 391 с.
5. Станкевіч, Я. Маленькі маскоўска-беларускі (крывіцкі) слоўнічак фразэолёгічны і прыказкаў ды прывітаньні, зычэньні і інш. / Я. Станкевіч; пасляслоўе В. Вячорка. – 3-е выд. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 77с.

УДК 821.161.1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ САШИ СОКОЛОВА В АСПЕКТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА

А. А. Чертко

*УО «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»;
Минск (Республика Беларусь)
Науч. рук. – Е. В. Гранкина, к.ф.н., доцент*

THE LITERARY DEBUT OF SASHA SOKOLOV IN THE ASPECT OF POSTMODERNIST DISCOURSE

A. A. Chertko

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank;
Minsk (Republic of Belarus)
Scientific advisor – E. V. Grankina, PhD Associate professor

В статье рассматриваются литературоведческие и лингвистические особенности организации романа Саши Соколова «Школа для дураков» в аспекте постмодернистского дискурса. Раскрываются ключевые категории постмодернизма и их реализация в тексте; обозначаются особенности изображения жизни советского общества в художественном

образе сумасшедшего дома и их языковая репрезентация. Показывается корреляция авторской идеи повествования и ее лингвистического оформления на уровне сюжета и формы.

The article deals with the literary and linguistic features of the organization of Sasha Sokolov's novel «School for Fools» in the aspect of postmodern discourse. The key categories of postmodernism and their implementation in the text are revealed; the features of the image of the life of the Soviet society in the artistic image of a madhouse and their linguistic representation are indicated. The correlation of the author's idea of narration and its linguistic design at the level of plot and form is shown.

Ключевые слова: постмодернизм; безумие; каламбур; игра; лингвистическая организация текста.

Keywords: postmodernism; madness; pun; a game; linguistic organization of the text.

Саша Соколов (р. 1943) – классик русской литературы, дебютный роман которого не только противоречил принципам долгое время главенствующего соцреализма, но и определил основные тенденции последующего развития литературы.

Роман «Школа для дураков» был написан в 1973 году. К этому времени уже был развенчан культ личности Сталина, реабилитированы многие осуждённые, а установившийся в 60-е годы XX века период оттепели дарил надежду на эстетический плюрализм и веру в возможность свободы: мысли, печати, собственного мнения. Однако репрессивный характер советской политики остался неизменным: по-прежнему исключалось любое инакомыслие, жёстко регламентировалась свобода самовыражения, отрицание чего в социальном контексте породило такое явление, как диссидентство – движение несогласных. Вместе с тем дуализм ожиданий и реальности привёл к появлению в советской литературе новых образов-символов, а одной из форм отражения деформации человеческого сознания и мироощущения этого времени стало художественное осмысление темы безумия. Её производными стали заполняющий романное действие алогизм, нарушение либо отсутствие причинно-следственных связей, своеобразность лексического, синтаксического облика произведения, что стало воплощением «неровности», противоречий эпохи.

Безумие в литературе – полисемантическое и вневременное явление, являющееся маркером состояния социума. В древнерусской культуре данный феномен соотносился с юродивым, чьё поведение не соответствовало общепринятым нормам, романтики, бросающие вызов установившимся социальным канонам, рассматривали их нарушающее безумие как дар и истину, для реалистической литературы в описании безумия характерен социальный и психологический детерминизм. Концепт «безумие» остается актуальным в

литературоведческом, лингвистическом, философском, психологическом и других дискурсах.

Ведущий образ романа Саши Соколова «Школа для дураков» – образ сумасшедшего дома. Его появление не случайно: этот образ становится воплощением художественной модели жизни советского общества. Принудительные госпитализации для писателей-диссидентов, цензура – всё это испытал на себе автор произведения.

«Школа для дураков» – текст, где писатель раскрывает тему безумия, используя концепцию и мировоззрение постмодернизма. Постмодернизм – состояние современного искусства и культуры, суть которого состоит в деконструкции форм, сочетании несочетаемого, юморе, игре, релятивизме, субъективности. В романе эта концепция проявляется во фрагментарности повествования, антиформе – отсутствии знаков препинания и нарушении облика слов, интертекстуальности, смысловой и лингвистической игре, полифонизме. Роман представляет собой поток сознания персонажа, коллаж, в который автор включает переживания главного героя, его мироощущение, аллюзии из Библии, актуальную на тот момент советскую риторичку (канцеляризм и клише).

Помимо этого, в произведении нет ярко выраженной сюжетной линии и структуры; читатель по большей части чувствует ритм и погружается в русло мыслей ребенка с раздвоением личности и шизофренией. Таким образом, безумие Саша Соколов интерпретирует как на уровне персонажей с психическими отклонениями, так и на уровне организации художественного пространства и формы. Синтез этих направлений можно выразить формулой «безумие в безумии», где авторская концепция написания текста накладывается на сюжетный слой повествования.

Художественное пространство «Школы для дураков» – метафора модели существования человека советской эпохи. Мир Нимфеи (главного героя романа) характеризуется наличием двух личностей, где не уточняется, какая из них участвует в повествовании в данный момент сюжета. Для героя свойственно необыкновенное чувство относительности времени и места (живые существуют наряду с мёртвыми, природа олицетворяется). В связи с этим сложно осознать, сколько лет Нимфее и что на самом деле существовало в реальности. В итоге и другие персонажи отражаются в тексте в зависимости от ассоциативного ряда и эмоционального отношения мальчика к ним. В тексте можно выделить следующие типы персонажей: 1) нестандартно мыслящие люди, учащиеся и работающие в самом учебном заведении и за его пределами (Нимфея, учитель Норвегов, Акатов, учитель музыки); 2) персонажи,

вступающие с ними в конфронтацию, осуждающие любое инакомыслие и отклонение от нормы (директор Перилло, отец главного героя); 3) персонажи-образы, символизирующие движение (почтальон Михеев / Насылающий ветер); 4) персонажи, являющиеся продуктом фантазии и звуковых ассоциаций героя (Вета Акатова, Роза Ветрова, Тинберген / Трахтенберг и др.), причем читателя вводят в неизвестность тем фактом, что некоторые из них могли и не существовать в реальности: *«Да, возможно, а возможно, что такой девочки никогда не было, и мы придумали её сами, как и всё остальное на свете»* (здесь и далее цитаты из романа Саши Соколова «Школа для дураков» приводятся из источника [1]).

Кроме того, школу можно интерпретировать и как «корабль дураков» – отчуждение сумасшедших от общества. Аллегорический образ «корабля дураков» появился в европейской литературе ещё в эпоху Возрождения и с тех пор стал символом глупости, мелочности, праздности и в целом любого греха, который овладевает человеком, и – соответственно – общества, подверженного этим порокам. Мотив асоциальности и отчуждённости героев становится сквозным, пронизывая всё произведение. Сам герой говорит об учащихся следующее: *«...мы, жалкие мошки... мы всё же, по-своему, по-глупому любим её, нашу ненавистную спецалку... и если бы нам предложили перейти в нормальную, в обычную школу для нормальных... мы бы заплакали, утираясь поганым тапочным мешком... и если мы когда-нибудь закончим её... то мы страшно расстроимся»*. Школа – убежище от внешнего мира, за пределами которого каждого могут уничтожить. Страх перед ним прослеживается в месте под названием «Министерство Тревог» – воображаемом опыте профессии героя. Можно предположить, что душевное расстройство Нимфеи и желание исчезнуть, стать цветком, превратиться в *«отдалённый, звучащий чуть слышно вечерний вальс»* – своего рода эскапизм, уход от реальности; а поскольку жизнь героя представляет собой, с одной стороны, замкнутый круг, выраженный в постоянном противоборстве двух личностей, а с другой – уничтожающую и не принимающую его реальность, то единственным выходом становится растворение в природе.

Замкнутость положения героя прослеживается на уровнях хронотопа и композиции. Во-первых, произведение композиционно выстроено таким образом, что читать его можно с любого момента, переставляя части местами. Связано это с тем, что у Нимфеи своеобразное чувство времени (он не делит его на дни, недели и месяцы). Во-вторых, закольцованность текста, проявляющаяся, например, в замкнутом сюжете притчи о плотнике в пустыне. В-третьих, статичность некоторых топосов: на даче – постоянное лето

(«...впереди непечатое лето, полное великолепных речных нимфей, лето лодок, велосипедов и лето бабочек...»), в городе – осенне-зимняя погода («...испепеляющее лето сменилось промозглой осенью, и прохожие, спрятав головы в воротники...»). В романе также присутствуют топосы давления, тяжести, ограниченности: это и родительская квартира Нимфеи, и школа, окруженная забором (за исключением норвеговского кабинета и туалета, где учитель наставляет своих последователей), и больница доктора Заузе, маркированная указательными местоимениями («Там, в больнице, Заузе ужасно смеялся над нами...»); «...он звонил **туда**, доктору Заузе»). Мнимое ощущение движения создаёт образ железной дороги: сам поезд представляет собой возможность действия, однако железная дорога замкнута вокруг города, что создаёт лишь имитацию движения, свободы («Ветка ведёт в тупик – поезда сюда не заходят»). Единственное место, где Нимфея полностью чувствует себя частью природы, где он растворяется в ней, – это передвижение в лодке по Краю Одинокого Козодоя (в этом месте герой в своём воображении встречается с учительницей Ветой – своей возлюбленной).

Изображение сумасшедшего дома как модели социума воплощается в противопоставлении двух групп персонажей: людей нестандартных, инакомыслящих, творческих, «юродивых» (Нимфея, Норвегов, Акатов, учитель музыки) и героев, воплощающих командный режим (отец Нимфеи, директор Перрило). Саша Соколов показывает: для несогласных с политикой государства людей жизнь в советском мире невозможна, стандартизированность и послушание становятся доминантами общества, что сближает его со смиренным режимом психиатрических больниц.

Отличительная особенность романа – его лингвистическая организация, подчиненная концепции постмодернизма и проявляющаяся на разных уровнях языка. Так, например, на уровне лексики автор использует разнообразные клише, однако они не просто заимствуются в исходном варианте, а претерпевают авторские метаморфозы: «Униженные и окровавленные», увольнение «по щучьему велению», «почтенный караул», «отдел народного оборзования». Соколов в своем произведении показывает человека несвободного, и эта несвобода иллюстрируется в невозможности отказа от таких выражений, их гипертрофированности, использовании не только клише с идеологической коннотацией, но и любых других.

Текст изобилует разного рода каламбурами, создающими эффект игры. В их число входят и некоторые речевые клише, основанные на созвучии слов одного семантического контекста («Теперь вас уволят **по собственному**, но, **собственно**, на каком основании?»). Часто автор употребляет устойчивые

сочетания, видоизменяя одно из входящих в него слов, что создаёт комический эффект: «*На вашей нервной почте*», «*с таким положением лещей трудно не согласиться*», «*капнет в Лету*» и т. д. Каламбуры доходят до абсурда, какофонии, что помогает, с одной стороны, раскрыть инфантилизм героя, а с другой – ведет к полисемантизации клише, раскрывая художественный замысел писателя. Кроме того, смысловая интерпретация воплощается в тексте посредством омонимии («*Это добро в доме никогда не переводится и не переводится зря*»), игры слов («*Качайте пиво из бочек и детей в колясках*»).

Обрывистость произведения ярко отображена на уровне синтаксиса, где синтаксис повествования имеет тенденцию к схожести с синтаксисом разговорной речи. Такое «ломанное» повествование продуктивно представлено во второй главе романа.

Как отмечает А. Давлетьярова [2], для синтаксиса простого предложения в романе Саши Соколова характерно наличие парцеллированных конструкций: «*Но не в этом дело. Речь идёт не о вас, а о ней. Это ей я говорил, что люблю её*». «*Ночь. Всегда эта холодная ночь. Его работа – ночь*». Зачастую описанная автором ситуация «выражаются не развернуто, а сжато, сворачивается до одного символа-понятия» [2, с. 51]: «*У меня много друзей, я совершенно здоров и коплю деньги на машину – нет, уже купил, накопил и купил, сберкасса, сберкасса, пользуйтесь*».

Синтаксис сложного предложения представляет собой структуру, состоящую из совокупности номинативных предложений, которые вполне возможно отделить друг от друга: «*И вот мы посмотрели на него, сидящего таким образом, сбоку, в профиль: издательский знак, экслибрис, серия книга за книгой, силуэт юноши, сидящего на траве или на голой земле с книгой в руках, тёмный юноша на фоне белой зари, мечтательно, юноша, мечтающий стать инженером, юноша-инженер, если угодно, кудрявый, довольно кудрявый, книга за книгой, читает книгу за книгой на фоне, бесплатно, экслибрис, за счёт издательства...*».

Для конкретизации и визуализирования высказывания Соколов вводит в речь своего героя звукоподражание, раскрывающее семантику фразы и особенности мировосприятия Нимфеи: «*Дин-дон, бим-бом, тик-так, тук-тук, скрип-скряп. Я недаром перечислил эти звуки, это мои любимые звуки, звуки летящего по дачной тропинке веселого велосипеда...*».

С целью ритмического оформления фрагментов автор использует инверсию: «*Горит стосвечевая лампочка, пахнет сургучом, верёвкой, бумагой. За окном – ржавые рельсы, мелкие цветы, дождь и звуки узловой станции*». Для расставления смысловых акцентов в повествование вводятся

анафорические повторы: *«Я вижу тебя. Я тебя вижу»*. Помимо этого, как упоминалось ранее, некоторые отрывки текста лишены пунктуационного оформления, что создаёт эффект потока сознания: *«...спи спи пропахшая креозотом ветка утром проснись и цветы потом отцветай сыпь лепестками в глаза семафорам и пританцовывая в такт своему деревянному сердцу...»*.

Таким образом, тема безумия в литературе актуализируется в эпоху «застоя». Саша Соколов в романе «Школа для дураков» создаёт образ сумасшедшего дома как модели жизни советского общества. Безумие автор репрезентует на уровне и сюжета, и формы произведения. Для романа характерно наличие категорий постмодернизма: фрагментарности повествования, игры, каламбуров, подчиненная идее произведения лингвистическая организация художественного текста.

Библиографические ссылки

1. Соколов, Саша. Школа для дураков [Электронный ресурс] / Саша Соколов. – Режим доступа: <https://read-book-online.com/sovremennaya-russkaya-i-zarubezhnaya-proza/53078-shkola-dlya-durakov.html>. – Дата доступа: 15.03.2023.

2. Давлетьярова, А. Т. Об особенностях синтаксиса повести С. Соколова «Школа для дураков» / А. Т. Давлетьярова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2016. – № 2. – С. 48–53.